

Августімов В. Роль організацій роботодавців у соціально-трудових відносинах в Україні / В.Л. Августімов // Соціальний діалог і трипартизм в Україні: завдання та перспективи. Національна тристороння конференція. Київ, 2-3 квітня 1996 р. – К.: – 134 с.

Аслунд А. Розбудова капіталізму. Трансформації в країнах колишнього Радянського блоку / Андерс Аслунд: пер. з англ. – К.: Дух і літера. 2003. – 636 с.

Берест Р. Професійний рух на західноукраїнських землях в австрійській період / Р.Я. Берест // Нариси історії професійних спілок України / Федерація профспілок України. Гол. ред. О.М. Стоян; кер. автор. кол. О.П. Реєнт. – К.: 2002. – 732 с.

Борисов В. Социальное партнерство в России: специфика или подмена понятий? / В. Борисов // СОЦИС. – 2001. – № 5. – С. 56-66.

Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму / Майкл Буравой // СОЦИС. – 2009. – № 9. – С. 3-12.

Бут М. Профспілки незалежної України: реалії та перспективи / М. Бут // Національна безпека і оборона. – 2001. – № 8(20). Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. – К.: – С. 73-77.

Васина Л.Л. Социальное рыночное хозяйство: Словарь терминов / Л.Л. Васина – М.: ИНФРА-М, 1997. – 192 с.

Вишневецький Ю. Роль профспілок в Україні удавана і справжня. Наукове видання / Ю. Вишневецький, О. Міщенко, Є. Півнев; За ред. Ю.Вишневецького. –Т.1. 2000. – К.: Фонд демократії, – 320 с.

Головаха Є. Пострадянська деінституціоналізація і становлення нових соціальних інститутів в українському суспільстві / Є. Головаха, Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2001. – № 4. – С. 5-22.

Дубровський І. Современное профсоюзное движение Украины: задачи и возможности / И.М. Дубровский, М.Л. Дубровский. – Харьков. 2009. – 236 с.

Жуков В.І. Десятиріччя сподівань на перемогу виробничої демократії / В.І. Жуков // Соціальне партнерство - шлях до злагоди: практика, проблеми, здобутки, перспектива. – К.: 2003. – С. 91-96 с.

Жуков В. І. Шляхи інституціоналізації колективного регулювання соціально-трудових відносин в Україні / В.І. Жуков // Сучасний стан, проблеми та тенденції соціально-трудових відносин в Україні: спроба соціального конструювання. Монографія. ЦСЕ Інституту соціології НАНУ. – К.: 2003. – С. 238-254.

Заробітна плата в Україні: на шляху до економічного зростання і добробуту // Національна безпека і оборона. – 2010. – №7(118), Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. – К.: 114 с.

Кущенко О. Формирующийся институциональный дизайн и социальные неопределенности в современной Украине // Проблемы развития социологической теории: социальная интеграция та соціальні нерівності в контексті сучасних суспільних трансформацій: Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної

конференції / Соціологічна асоціація України; Факультет соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; Інститут соціології НАН України: Під заг. ред. Куценко О.Д., Судакова В.І. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет". 2009. – 637 с.

Козлов В. Незвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953 – 1985 гг. / В. Козлов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2006. – 448 с. Кондрюк С.М. На що хворіють профспілки / С.М. Кондрюк // Профспілкові вісті. 4 березня 2005 р. Концепція розвитку Федерації професійних спілок України. – К.: ФПУ. – 2005. – 7 с.

Лісничук О.В. Сушко О.В. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? / О. В. Лісничук, О. В. Сушко – К.: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові. 2005. – 76 с.

Нариси історії професійних спілок України / Федерація профспілок України. Гол. ред. О.М. Стоян; кер. автор. кол. О.П. Реєнт. – К.: 2002. – 732с. Пасхавер О. Перспективи приватного підприємництва в Україні: приватизація і зростання нового капіталу // Економіка України. – 2000. – №4. – С. 34-35. Профспілковий рух в Україні: стан, проблеми, перспективи // Національна безпека і оборона. – 2001. – № 8(20).

Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. – К.: – 80с. Русначенко А.М. Приспала сила. Робітники, робітничий рух і незалежні профспілки в Україні від кінця сорокових до початку дев'яностих років. / А.М. Русначенко. – К.: 2000. – 104 с.

Селеньи І., Еял Г., Тоунсли Е. Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Иван Селеньи, Гил Еял, Элеанор Тоунсли / Пер. с англ. под рук. И.Беляевой, отв. ред. О.Куценко. – Киев: Институт социологии НАНУ; Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина. 2008. – 320 с.

Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер; пер. с англ. – М.: Феникс. 1994. – 688 с.

Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активностей и организация разнообразия в постсоциалистических странах / Дэвид Старк // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН). 2002. – С. 47-95.

Сучасний стан, проблеми та тенденції соціально-трудових відносин в Україні: спроба соціального конструювання. ЦСЕ Інституту соціології НАНУ. 2003. – К.: – 360 с.

Хмільовський В. Олігопольний світ, або "може в філармонії потрібно щось підправити" / В.М.Хмільовський // Роботодавець. – 2006. – № 8. – С. 2.

Шангіна Л. Соціальний діалог як важлива частина "доброчинного кола добробуту" – формування заробітної плати. / Л. Шангіна // Національна безпека і оборона. 2010. – №7(118), Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. – К. – С. 61-71

Надійшла до редколегії 10.05.11

УДК 316.74

Л. Сокурская, д-р социол. наук, проф.,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ

В статье предложены результаты анализа факторов конструирования гражданской идентичности современного украинского студенчества по осям: институциональная, ресурсная и практическая. На основе анализа таких ресурсов, как культурный капитал и ценностные ориентации личности, доказывається, что наиболее насыщенной осью конструирования гражданской идентичности является практическая ось.

Ключевые слова: гражданская идентичность, оси факторов конструирования гражданской идентичности, культурный капитал, ценностные ориентации.

У статті запропоновані результати аналізу чинників конструювання громадянської ідентичності сучасного українського студентства за всіма: інституційна, ресурсна та практична. На основі аналізу таких ресурсів, як культурний капітал та ціннісні орієнтації особистості, доводиться, що найбільш насиченою віссю конструювання громадянської ідентичності є практична вісь.

Ключові слова: громадянська ідентичність, вісі чинників конструювання громадянської ідентичності, культурний капітал, ціннісні орієнтації.

The article presents the findings of empirical analysis of the factors that are involved in construction of Ukrainian students' civic identity. In particular, three axes of such factors (institutional, resource and practical) are considered. On the basis of empirical analysis of such individual resources as cultural capital and personal value orientations, it is proved that the most intense axis of civil identity construction is the practical axis.

Keywords: civil identity, axis of factors of civic identity construction, cultural capital, value orientations.

Анализ современных социологических публикаций, социологического дискурса в целом свидетельствует о том, что сегодня в фокусе внимания зарубежных и отечественных коллег-социологов все чаще оказываются две связанные между собой проблемы – глобализация и идентичность.

Последняя из них – проблема идентификации и идентичности – примерно в середине 1990-х годов

вызвала огромный исследовательский интерес постсоветских, в том числе украинских ученых, что было обусловлено размыванием традиционных групп общества, становлением новых форм межгрупповой и внутригрупповой интеграции, а, следовательно, и новых форм идентичности. В 90-е годы прошлого века как в Украине, так и в других постсоветских странах, начался активный процесс

вытеснения классовой и групповой идентификации, культивировавшихся в сознании советского человека на протяжении многих десятилетий, идентификацией индивидуальной, групповой, корпоративной, о чем писали наши коллеги из Института социологии НАН Украин. С.А. Макеав, впрочем, подчеркивал, что прежние идентичности полностью не разрушаются, а лишь перемещаются на периферию культурного мира (см., например: [Макеав 1996; 1998]). Об этом свидетельствуют многие исследования, в том числе проведенные социологами Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (ниже мы рассмотрим некоторые результаты этих исследований).

Подчеркнем, что процесс разрушения прежних и становления новых идентичностей не был локальным, например, постсоветским, а имел всеобщий характер, на чем акцентировали свое внимание многие западные социологи, доказывая, что время твердых и незыблемых идентификаций ушло. Утрата контроля над производством и конструированием значительной части индивидуальных и групповых идентичностей привела к тому, что идентичность стала объектом выбора [Wagner 1994]; идентичности, особенно в молодежной среде, стали формироваться вокруг свободного времени, потребительского поведения и самых различных символов и знаков, а не на основе, скажем, профессии или позиции в публичной сфере, как это было в советское время. Произошла, как подчеркивал уже цитированный нами С.А. Макеав, индивидуализация идентичностей, они стали менее публичны и более интимны, а идентификация стала, скорее, делом приватным, чем общественным [Подвижность структуры 1999, с.16].

Сегодня ситуация, связанная с идентификационными процессами, несколько изменилась. Идентичность, точнее некоторые ее формы, уже воспроизводятся, в чем мы, в частности, убедились благодаря результатам исследований, проведенных нами в 2001–2009 годах среди студенческой молодежи Украины. Прежде чем обратиться к анализу этих результатов, мы хотели бы дать короткую характеристику реализованных нами проектов и их авторского коллектива.

Традиция проведения "студенческих исследований" была заложена Е.А.Якубой – бессменным научным руководителем социологической лаборатории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, созданной ею же в 1963 году, заведующей кафедрой социологии с 1980 по 2001 г., человеком, которого по праву называют фундатором отечественной социологии. С конца 1960-х годов по сегодняшний день сотрудниками лаборатории и кафедры социологии накоплен колоссальный эмпирический материал, благодаря которому мы можем проследить динамику объективных и субъективных характеристик студенчества Украины последних сорока лет ее развития. Ценностные ориентации будущих специалистов, их учебная, научная, общественная и экономичес-

кая активность, моральные и политические предпочтения, досуговая деятельность и протестное поведение, культурный капитал и социально-профессиональные планы, социально-статусные характеристики родителей и материальное положение семьи – эти и многие другие вопросы жизнедеятельности украинского студенчества находились и сегодня продолжают находиться в центре внимания университетских социологов.

В контексте данной публикации мы будем обращаться к информации, полученной нами в ходе трех исследований: "Современные университеты как центры формирования интеллектуальной элиты украинского общества", 2000–2001 гг. (по репрезентативной выборке было опрошено 1810 украинских студентов); "Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ", 2005–2007 гг. (по репрезентативной выборке было опрошено 3057 студентов вузов Украины, 780 студентов вузов Белоруссии; выборка по России нерепрезентативная, опрошено 587 студентов вузов России) и "Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества", 2008–2009 гг. (по репрезентативной выборке опрошено 3058 украинских студентов).

К проблемам идентификации в студенческой среде мы впервые обратились в 2000 году. При этом, учитывая актуальный социально-политический контекст, особое внимание мы уделяли процессам становления гражданской идентичности в условиях независимой Украины, в частности, социокультурным факторам ее конструирования и трансформации. Как подчеркивал В.А. Ядов, собственно социологический фокус исследования идентификации (в отличие от психологического и социально-психологического) формируется за счет выделения тех социально-культурных детерминант, которые определяют процесс групповой солидарности [Ядов, 1994].

Наш акцент на гражданской идентичности, во-первых, обусловлен ее значимостью для внутренней легитимации украинской государственности и формирования гражданского общества в нашей стране. Во-вторых, как показал сравнительный анализ данных исследований 2000–2001, 2005–2007 и 2008–2009 годов, на фоне относительной устойчивости этнической, региональной, локальной, европейской, советской, религиозной, политико-идеологической и некоторых других видов социальной идентичности именно гражданская идентичность современной украинской молодежи значительно возросла. Так, в начале 2000-х (по данным исследования 2000–2001 гг.) в полной мере ощущали себя гражданами Украины 31 % опрошенных студентов отечественных вузов, в середине первого десятилетия 2000-х гг. (по данным исследования 2005–2007 гг.) – около 55 %, в конце этого десятилетия – более 57 % (кумулятивный показатель гражданской идентичности сту-

дентов (тех, кто в полной мере и скорее ощущает себя гражданами Украины), по данным последнего исследования, составляет более 80 %). При этом среди перечисленных в нашем инструментарии видов идентичности (этническая, гражданская, региональная, локальная, европейская, советская, религиозная, политико-идеологическая) гражданская идентичность уступает только локальной (по данным последнего исследования в полной мере локальная идентичность характерна более чем для 63% респондентов), а тенденция возрастания (правда, не такого существенного, как в случае с гражданской идентичностью) от исследования к исследованию характерна только для глобальной идентичности.

Акцентируя внимание на гражданской идентичности, мы исходили из того, что о её сформированности можно говорить в том случае, когда личностью не только осознается ее принадлежность к государству, гражданином которого она является по своему статусу, и принадлежность к сообществу сограждан, связанных между собой прежде всего экономическими и политическими связями (в этом случае более правомерно говорить об "идентичности подданства" [Степаненко 2002, с. 109], но и приобретают ценностную значимость все атрибуты государственности, ее символика (Конституция, флаг, гимн, значимые исторические даты, выдающиеся личности, которых почитают как "национальных героев" и т.д.). При этом общая с другими согражданами "территория проживания" воспринимается как Родина [*Проблеми формування громадянської ідентичності* 2009, с.172].

Концептуализируя факторную обусловленность идентификационных процессов в студенческой среде, мы выделили три оси факторов, влияющих на конструирование и трансформацию гражданской идентичности будущих специалистов с высшим образованием, а именно: институциональную ось, ресурсную и практическую.

При этом мы отдавали себе отчет в том, что возможно лишь косвенное измерение, непрямой замер институционального влияния на гражданскую идентификацию актора, и в основном сосредоточили свое внимание на ресурсах и практиках наших респондентов. Тем более, что все три названные нами оси взаимопересекаются: институциональное влияние находит свое выражение в таких ресурсах, как культурный капитал, ценностные ориентации и т.д., которые, в свою очередь, реализуются в повседневных практиках актора.

Чтобы проиллюстрировать это, приведем несколько кейсов из нашего исследования. Так, влияние на конструирование гражданской идентичности такого института, как церковь, проявилось в том, что "оцерковленная" молодежь, т.е. молодые люди, придерживающиеся определенных норм и правил религиозной жизни, регулярно посещающие богослужения, поддерживающие тесные отношения с членами своей церковной общины,

знающие религиозные обряды и т.д., отличаются более высоким уровнем гражданской идентичности. В этом контексте подчеркнем, что конфессиональная принадлежность достаточно часто описывается исследователями как один из этнических маркеров украинцев, а религиозная идентичность презентуется как неотъемлемая составляющая гражданского самоопределения личности.

Что касается таких институтов, как образование, влияние которого нас, естественно, особенно интересует, и семьи, то их воздействие мы, ещё раз подчеркнём, косвенным образом фиксировали благодаря анализу таких ресурсов, как культурный капитал современных студентов и их ценностные ориентации.

При этом в своём исследовании мы исходили, во-первых, из гипотезы, согласно которой включенность индивида в социальные структуры неполитического характера (общественные движения, организации, объединения и т.д.), участие в различных гражданских акциях способствует возрастанию уровня его гражданской идентичности. Во-вторых, мы хотели проверить еще одну гипотезу, а именно предположение о том, что современные студенты (по сравнению с другими группами молодежи, а также другими возрастными группами), более успешно инкорпорированные в социальные структуры, в том числе названные нами выше, ощущающие поддержку своим установкам, ценностям, в частности образовательным, со стороны общества, в большей мере заинтересованы в функционировании актуального социального контекста (в силу большей укорененности в этот контекст, обладания большими ресурсами и т.д.) и могут отличаться более высоким уровнем гражданской идентичности. Однако в этом контексте необходимо сделать следующее замечание. Как подчеркивает Р. Инглехарт, в условиях когнитивной мобилизации общества (Естественно, американский социолог имеет в виду прежде всего экономически высокоразвитые страны, однако заметим, что для украинского общества этот феномен (когнитивная мобилизация) становится всё более актуальным.), то есть значительного повышения уровня образования его членов, происходят существенные ценностные изменения, в частности постматериализация (и более широко - постмодернизация) ценностных ориентаций отдельной личности, тех или иных социальных групп, общества в целом [Инглехарт 1997]. Некоторые исследователи (см.: [*Проблеми формування громадянської ідентичності* 2009, с. 183–204]) считают, что сущность этих изменений во многом совпадает с феноменами, описанными З. Бауманом [Бауман 2002]. Речь идёт о феномене сепарации индивида, прежде всего образованного, в обществе и от общества, осознание себя как автономной единицы этого общества и т.д. Все это, естественно, противоречит дру-

гой функции образования - включению агента в гражданство, в систему единства общества (нормативную, ценностную, праксеологическую и т.д.). Эти две разнонаправленные функции образования могут вступить в конфликт, в котором первая тенденция (к автономизации) в силу её современности, большей актуализированности может доминировать над второй. Всё это по-новому ставит вопрос о конструировании идентичностей под влиянием изменений объема культурного капитала отдельного индивида или социальной группы. Ведь культурные отличия предполагают не только различия в ценностном поле личности, но и в её практиках и приоритетах: сегодня очень часто приоритет "отличаться граждански" или "отличаться национально" (что в условиях Украины тесно связано между собой) отходит, особенно в молодежной, в частности, в студенческой среде на второй и третий план под натиском приоритета "отличаться культурно" (см. об этом подробнее [Проблеми формування громадянської ідентичності 2009, с. 183–204]).

Чтобы проверить эту гипотезу, в рамках нашего исследования мы обратились к измерению социально-статусных и "капитальных" позиций опрошенных студентов. Первым из этих измерений является деятельностное (практическое) измерение позиции агента. Одним из главных возможных (во всяком случае, в рамках количественного исследования студенчества) индикаторов деятельностной успешности агента является его успеваемость. Изучение академической успеваемости разноидентифицированных групп студентов важно с точки зрения того, какой может быть будущая социальная и гражданская база украинского общества, если учесть предыдущие культуркапитальные траектории и практики этих агентов. Гражданская идентичность в этом случае может рассматриваться как основа построения гражданского общества успешными (во всяком случае, на данный момент) агентами, высококвалифицированными и культуркапитализированными с точки зрения институционального признания.

Оказалось, что среди тех, кто в школе учился на "отлично", только 3 % не ощущают себя гражданином Украины (в то время как среди тех, кто учился на "удовлетворительно", таких респондентов 23 %). При практически равном количестве тех, кто не смог определиться относительно своей гражданской идентичности (от 8 до 11 % в разных группах респондентов), достаточно отчетливо проявляется возрастание количества тех, кто частично или полностью ощущает себя гражданином Украины (от 69 % среди троечников до 83 % среди отличников). Таким образом, высококапитализированные агенты несколько больше, чем низкокапитализированные, ощущают свою "укоренённость" в гражданском пространстве Украины еще на школьной скамье, что, как представля-

ется, можно считать позитивным сигналом (в области конструирования гражданской идентичности) для системы среднего образования.

Что касается вузовской академической успеваемости как возможного индикатора успешности инкорпорированности индивида в социальные структуры, то, анализируя ее показатели, мы не выявили ничего неожиданного: во всех академических стратах идентифицируют себя как граждане Украины приблизительно равное количество респондентов – от 81 % до 86 %.

А вот анализ корреляции между образованием родителей и уровнем гражданской идентичности студентов зафиксировал, на первый взгляд, достаточно противоречивую связь. Так, более всего высокообразованных и особенно тех, кто имеет научную степень, родителей у студентов, которые абсолютно не ощущают себя гражданами Украины (около 50 % у матери и около 50 % у отца). В то же время у "граждански идентифицированных" студентов процент родителей со средним профессиональным (ПТУ) и средним специальным образованием (техникум) значительно превышает показатели по всем остальным группам.

Это же касается и такого показателя, как объем и содержание домашней библиотеки, который в рамках нашего исследования рассматривался в качестве важного фактора конструирования культурного капитала личности. В частности, выяснилось, что, с одной стороны, с возрастанием уровня гражданской идентичности увеличивается количество респондентов, у которых нет домашней библиотеки (от 43 % среди тех, кто не ощущает себя гражданином Украины, до 50 % среди тех, кто в полной мере ощущает себя ее гражданином). Однако, с другой стороны, мы обнаружили, что с увеличением числа обладателей больших библиотек (более 1000 книг) возрастает уровень гражданской идентичности респондентов (от 15 % владельцев больших библиотек среди тех, кто не ощущает себя гражданином Украины, до 23 % среди тех, кто ощущает в полной мере).

Более подробный анализ полученных результатов привел нас к выводу о том, что наличие домашней библиотеки в случае с гражданской идентичностью "работает" не как фрагмент объективированного культурного капитала, а как иной артефакт – то ли атрибут семьи с устоявшимися культурными традициями, то ли атрибут высокостатусной и экономически обеспеченной семьи. Несомненно, что этот вопрос требует дальнейших исследований.

Гораздо более важным для гражданской идентичности является не объем, а качественное содержание библиотеки. Так, мы зафиксировали однозначно направленные тенденции в случае с художественной литературой "серьезного жанра" и литературой на иностранном языке: с возрастанием гражданской идентичности количество этих

книг в библиотеке респондента уменьшается в 1,5 раза. Обратных тенденций мы не зафиксировали, разве что заметили, что только по одной категории книг "граждански идентифицированные" имеют преимущества перед своими "оппонентами" - по литературе "легкого жанра".

Эта же тенденция характерна для Интернета: важным является не сам факт наличия возможности данного культурного потребления, а содержательное наполнение использования Интернет-ресурсов. Таким образом, та часть культурного капитала, которая влияет на гражданскую идентичность, располагается в еще более глубоких слоях этого капитала, является еще более латентной, чем мы предполагали.

Что касается ценностной обусловленности конструирования гражданской идентичности будущими специалистами с высшим образованием, то, как показало наше исследование, респонденты, в ценностном дискурсе которых преобладают так называемые традиционалистские аксиофеномены, отличаются более высоким уровнем гражданской идентичности, чем студенты, для которых характерны модернистские (достижительские) и постмодернистские (самореализация, качество жизни, политическое участие и т.д.) ценностные ориентации. Мы предположили, что такое положение вещей обуславливается тем, что две последние из названных выше групп ценностей (модернистские и постмодернистские), в частности ориентации на ценности личной свободы, независимости, в том числе экономической, достижение высокого социального и профессионального статуса, реализацию своих способностей и т.д., которые прежде всего презентуют индивидуалистическую ось ценностного сознания личности, не могут тесно коррелировать со стремлением индивида ощущать себя всего лишь частью той или иной "мы-группы". То есть для тех, кто перечисленные выше ценности манифестирует как смысл жизни, любая социальная идентичность в определенной мере является сдерживающим фактором их реализации.

Для того, чтобы проверить нашу гипотезу, мы обратились к кластерному анализу ценностной дифференциации современного украинского студенчества, в результате которого получили пять групп респондентов, отличающихся своей приверженностью к традиционалистским, модернистским и постмодернистским ценностям. При этом выделенные группы заняли разные позиции по двум осям - "индивидуализм-коммунализм" и "прагматизм-идеализм". Исходя из этих позиций и ценностных предпочтений представителей выделенных кластеров, они получили следующие названия: "модернисты-индивидуалисты" (в этот кластер попали 34,9 % респондентов), "модернисты-коммуналисты" (40 %), "постмодернисты-прагматики" (10,3 %), "постмодернисты-

идеалисты" (12,2 %) и "традиционалисты" (2,6 %). Как видим, для современных украинских студентов прежде всего характерен модернистский и постмодернистский ценностный дискурс.

Корреляционный анализ показал, что наивысший уровень гражданской идентичности присущ "постмодернистам-идеалистам": более 73 % из них в полной мере ощущают себя гражданами Украины. Далее по уровню выраженности гражданской идентичности идут: "модернисты-коммуналисты" (почти 62 % из них в полной мере ощущают себя гражданами Украины), "постмодернисты-прагматики" (соответствующим образом ответили около 52 % представителей этого кластера), "модернисты-индивидуалисты" (около 51 %). Самый низкий уровень гражданской идентичности присущ "традиционалистам": в полной мере ощущают себя гражданами Украины только около 29 % из них; совокупный процент тех, кто не ощущает и скорее не ощущает себя гражданином Украины, в этом кластере составляет 27 %.

На первый взгляд, это противоречит представленным выше данным о более высоком уровне гражданской идентификации студентов, в ценностном сознании которых преобладают традиционалистские ориентации. Однако этот, казалось бы, парадокс объясняется следующими факторами. Дело в том, что в основу нашего кластерного анализа были положены, с одной стороны, ориентации студентов на терминальные ценности, а, с другой, - их самооценки уровня развития инструментальных ценностей, то есть качеств, в том числе способствующих реализации ценностей терминальных. Как выяснилось, часть студентов, ориентирующихся на традиционалистские ценности, дала достаточно низкую самооценку степени развития личностных качеств (инструментальных ценностей), то есть тех качеств, которые помогли бы реализации терминальных ценностей в повседневных практиках наших респондентов.

Итак, манифестация тех или иных ценностей, не подкрепленная ресурсно и практически, не может рассматриваться в качестве показателя уровня гражданской, как и любого другого вида социальной идентичности.

Таким образом, проведенный нами анализ позволил сформулировать следующие выводы-гипотезы:

- идентификационные процессы в контексте современного украинского общества детерминированы не совокупностью отдельных факторов, которые зачастую рассматриваются вне зависимости друг от друга, а *системой* взаимосвязанных и взаимозависимых факторов-условий, которые можно разделить только аналитически (на абстрактном, теоретическом уровне). Исследуя процессы конструирования идентичности, необходимо прежде всего анализировать эту *систему* факторов, ее внутренние связи;

• рассматривая названные нами три оси факторов конструирования идентичности (институциональную, ресурсную и практическую), в контексте социологического (эмпирического) изучения мы можем непосредственно исследовать только две последних, первая (институциональная) может быть интерпретирована в основном на теоретическом уровне;

• в современных условиях из трех осей наиболее насыщена практическая ось. Это обусловлено тем, что современный человек, с одной стороны, все больше стремится уйти от институционального влияния, с другой стороны, ресурсы, которыми он обладает или может овладеть, слишком разнообразны (люди перестают в них ориентироваться), и только практики как способ существования личности превращают идентичности из манифестированных в практические, реализуемые и реализованные. Этим, в том числе, можно объяснить отказ людей от метанарративов, поскольку они слишком "высоки", слишком непригодны для реализации повседневных практик (именно поэтому наиболее выражена локальная идентичность личности, а несколько возросшая глобальная идентификация наших респон-

дентов и в прямом, и в переносном смысле является только виртуальной).

Макеев С.А. Социальные идентификация и идентичности / С.А.Макеев, С.Н. Оксамитная, Е.З. Швачко. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 1996. – 185 с.

Макеев С. Проблемы социальной структуризации в современной Украине // Полис. – 1998. – №3. – С. 49-60.

Wagner P. A sociology of Modernity Liberty and Discipline. – London – New York: Rutledge, 1994. – P.123–140.

Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности / С.А. Макеев, И.М. Прибыткова, Е.В. Симончук и др. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1999. – 204 с.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – №3. – С. 35–52.

Степаненко В. Етнос-демос-поліс: етнополітичні проблеми соціальної трансформації в Україні // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. – № 2. – С. 102–120.

Проблеми формування громадянської ідентичності української молоді: роль освіти як чинника консолідації суспільства. Звіт про науково-дослідну роботу (заключний) / Л.Г. Сокурянська, В.Л. Арбеніна, А.М. Ніколаєвська, О.С. Голиков та ін. - Архів кафедри соціології та соціологічної лабораторії. – Харків: Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна. 2009. – 370 с.

Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглехарт // Полис. – 1997. – №4. – С. 6–32.

Бауман З. Индивидуализированное общество. / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

Надійшла до редколегії 15.08.11

УДК 316.023

А. Марченко, канд. соціол. наук, асист.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СТАВЛЕННЯ СТУДЕНТІВ ДО СТУДЕНТСЬКОГО САМОВРЯДУВАННЯ В КИЇВСЬКОМУ НАЦІОНАЛЬНОМУ УНІВЕРСИТЕТІ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

У статті розглядається ставлення студентів до студентського самоврядування в університеті. Автор робить акцент на важливості осмислення процесів самоврядування у контексті соціальної самоорганізації на інституційному, груповому та індивідуальному рівнях, а також у їх зв'язку з довірою в університетському середовищі. На основі даних університетського моніторингового дослідження аналізуються рівень поінформованості студентів університету про діяльність студентського самоврядування, основні джерела отримання інформації про студентське самоврядування, задоволеність студентів діяльністю його органів та готовність студентів до громадської активності. Виявлено, що органи студентського самоврядування не виступають агентами концентрації довіри студентів, мережі яких структуруються локально (група, курс, факультет) та мають бути вивчені детальніше у неформальному аспекті.

Ключові слова: ставлення студентів, студентське самоврядування, соціальна самоорганізація, органи студентського самоврядування, університетське дослідження, довіра.

В статті речь идет об отношении студентов к студенческому самоуправлению в университете. Автор делает акцент на важности осмысления процессов самоуправления в контексте социальной самоорганизации на институциональном, групповом и индивидуальном уровнях, а также в их связи с доверием в университетской среде. На основании данных университетского мониторингового исследования анализируются уровень информированности студентов университета о деятельности студентского самоуправления, основные источники получения информации о студенческом самоуправлении, удовлетворенность студентов деятельностью его органов и готовность студентов к общественной активности. Выявлено, что органы студенческого самоуправления не выступают агентами концентрации доверия студентов, сети которых структурируются локально и могут быть изучены в дальнейшем в неформальном аспекте.

Ключевые слова: отношение студентов, студенческое самоуправление, социальная самоорганизация, органы студенческого самоуправления, университетское исследование, доверие.

The article deals with student attitudes to student self-government at university. The author pays attention to the importance of understanding the processes of self-government in the context of social self-organization on the institutional, group, and individual levels, as well as their connection with trust in the university environment. On the basis of the university monitoring survey data level of student awareness of self-governing institutions' activities and main sources of information about the student self-government are considered, extent of student satisfaction by these activities and readiness of students for the social activities are analyzed. It is revealed that bodies of student self-government are not the foci of student trust; student networks are structured locally and should be studied in more detail in informal aspect.

Keywords: students' attitude, student self-government, social self-organization, bodies of student self-government, university survey, trust.

Студенти, молодь завжди більш жваво та емоційно реагують на зміни соціального середовища, порівняно з іншими групами населення. Здатність студентської молоді діяти автономно відносно оточуючих обставин є передумовою інтегрованос-

ті окремих студентів та утворення самоорганізованих спільнот, здатних до саморегулювання. Соціальна самоорганізація є маркером різних соціальних змін. З одного боку, самоорганізація різних соціальних спільнот може бути виявом демокра-